

Дождь (Дорошевич)

Сын неба, — пусть его имя переживёт вселенную! — император Ли-О-А стоял у окна своего фарфорового дворца.

Он был молод и потому добр. Среди роскоши и блеска он не переставал думать о бедных и несчастных.

Шёл дождь. Лил ручьями. Плакало небо, лили за ним слёзы деревья и цветы.

Грусть сжала сердце императора, и он воскликнул:

— Плохо тем, кто в дождь не имеет даже шляпы!

И повернувшись к своему камергеру, он сказал:

— Я хотел бы знать, сколько таких несчастных в моём Пекине?

— Свет солнца! — ответил, падая на колени и наклонив голову, Тзунг-Хи-Тзанг. — Разве есть что-нибудь невозможное для повелителя царей? Ещё до заката солнца ты будешь знать, отец зари, то, что тебе угодно!

Император милостиво улыбнулся, и Тзунг-Хи-Тзанг побежал быстро, как только мог, к первому министру Сан-Чи-Сану.

Он прибежал, едва переводя дух, и второпях не успел даже отдать всех почестей, которые следовали первому министру.

— Радость вселенной, наш всемилостивый повелитель, — задыхаясь проговорил он, — в ужасном беспокойстве. Его беспокоят те, кто ходит в дождь без шляпы в нашем Пекине, и он хочет знать сегодня же, сколько их числом!

— Да есть-таки бездельников! — отвечал Сан-Чи-Сан. — А впрочем...

И он приказал позвать Пай-Хи-Во, начальника города.

— Плохие новости из дворца! — сказал он, когда Пай-Хи-Во склонил голову к земле в знак внимания. — Владыка наших жизней заметил непорядки!

— Как? — с ужасом воскликнул Пай-Хи-Во. — Разве не существует прекрасного тенистого сада, который закрывает дворец от Пекина?

— Уж не знаю, как это случилось, — ответил Сан-Чи-Сан, — но его величество ужасно беспокоят негодяи, которые ходят в дождь без шляпы. Он желает знать сегодня же, сколько такого народа в Пекине. Распорядись!

— Позвать ко мне сейчас же эту старую собаку Хуар-Дзунга! — кричал через минуту Пай-Хи-Во своим подчинённым.

И когда начальник стражи города, белый от ужаса, дрожащий, повалился ему в ноги, мандарин обрушил на его голову целый водопад проклятий.

— Негодяй, бездельник, подлый предатель! Ты хочешь, чтоб нас всех распилили пополам вместе с тобой!

— Объясни мне причину твоего гнева, — колотясь от дрожи у ног мандарина, сказал Хуар-Дзунг, — чтоб я мог понимать утешительные слова, которые ты мне говоришь. Иначе, я боюсь, я не пойму языка твоей мудрости!

— Старая собака, которой следовало бы смотреть за стадом свиней, а не за самым большим городом на свете! Сам повелитель Китая обратил внимание, что у тебя в городе беспорядки, — по улицам шатаются негодяи, у которых даже в дождь нет шляпы, чтоб надеть. Чтобы к вечеру ты мне дал знать, сколько их останется в Пекине?

— Всё будет исполнено в точности! — ответил, три раза ударяясь лбом об пол, Хуар-Дзунг, и через мгновение ока он уже кричал и топал ногами на стражей, которые были собраны оглушающими звуками гонга.

— Негодяи, из которых я повешу половину только для того, чтобы остальных изжарить на углях! Так-то вы смотрите за городом! У вас в дождь ходят по улицам без шляп! Чтобы через час[2] были переловлены все, у кого нет шляпы даже из тростника!

Стражи принялись исполнять приказание, — и в течение часа на улицах Пекина шла настоящая охота.

— Держи его! Лови! — кричали стражи, гоняясь за людьми, не имевшими шляп.

Они тащили их из-за заборов, из-под ворот, из домов, куда те прятались, как крысы, которых преследует повар, чтобы сделать из них рагу.

И через час без одной минуты все, кто в Пекине не имел шляп, стояли во дворе тюрьмы.

— Сколько их? — спросил Хуар-Дзунг.

— Двадцать тысяч восемьсот семьдесят один! — отвечали, кланяясь в землю, стражи.

— Палачей! — приказал Хуар-Дзунг.

И через полчаса[3] 20 871 обезглавленный китаец лежал на дворе тюрьмы.

А 20 871 голова была воткнута на пики и разнесена по городу в назидание народу.

Хуар-Дзунг пошёл с докладом к Пай-Хи-Во. Пай-Хи-Во — к Сан-Чи-Сану. Сан-Чи-Сан дал знать Тзунг-Хи-Тзангу.

Наступил вечер. Дождь кончился. Пробегая, ветерок трогал деревья, и дождь бриллиантов летел с деревьев на благоухающие цветы, которые искрились и горели в лучах заходящего солнца.

Из блеска и благоухания был создан весь сад, — и сын неба Ли-О-А стоял у окна своего фарфорового дворца, любуясь чудной картиной.

Но, молодой и добрый, он и в эту минуту не забывал о несчастных!

— Кстати! — сказал он, обращаясь к Тзунг-Хи-Тзангу. — Ты хотел мне узнать, сколько народу в Пекине не имеют даже шляпы, чтоб накрыться во время дождя?

— Желание владыки вселенной исполнено его слугами! — с низким поклоном отвечал Тзунг-Хи-Тзанг.

— Сколько ж их? Смотри, говори только правду!

— Во всём Пекине нет ни одного китайца, у которого не было бы шляпы, чтоб надеть во время дождя. Клянусь, что я говорю чистейшую правду!

И Тзунг-Хи-Тзанг поднял руки и наклонил голову в знак священной клятвы.

Лицо доброго императора озарилось счастливой и радостной улыбкой.

— Счастливый город! Счастливая страна! — воскликнул он. — И как счастлив я, что под моим владычеством так благоденствует народ.

И все во дворце были счастливы при виде счастья императора.

А Сан-Чи-Сан, Пай-Хи-Во и Хуар-Дзунг получили по ордену Золотого Дракона за отеческие попечения о народе.